

УДК 159.9:378.035

СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

М. И. Логвинова, Д. А. Никуличева, А. Н. Князева

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 3 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье приведены результаты эмпирического исследования социальных установок (на примере диспозиций деструктивного поведения), уровня эмпатии и установок на альтруизм – эгоизм у студентов. Установлено, что примерно у четверти студентов имеются те или иные психологические предпосылки деструктивных установок. Но при этом в группу риска допустимо включить только примерно каждого десятого представителя студенческой молодежи, принявшего участие в исследовании.

Ключевые слова: студенты, молодежь, социальные установки, приграничный регион.

Abstract: the article reveals the relevance of the study of social attitudes of students in the current situation. The results of the empirical study of social attitudes (using the example of dispositions of destructive behavior), the level of empathy and attitudes towards altruism – egoism in students are presented. It is established that approximately a quarter of students have some or other psychological prerequisites for destructive attitudes. But at the same time, it is permissible to include in the risk group only approximately every tenth representative of student youth who took part in the study.

Key words: students, youth, social attitudes, border region.

В условиях проведения специальной военной операции, а также контртеррористической операции на территории Курской области все большую актуальность приобретает проблема исследования деструктивных установок, в том числе экстремистской направленности. Особенного внимания в этом смысле требует студенческая молодежь, которая, живя в приграничном регионе, подвергается усиленному информационно-психологическому влиянию со стороны враждебных России сил. В связи с этим, несмотря на значительную разъяснительную и воспитательную работу, которая проводится в вузах, в последние годы участились случаи привлечения молодежи к противоправным действиям экстремистского и террористического толка: поджоги военкоматов, проникновение на территорию военных объектов, порча военной техники и др.

Студенты вуза, будучи социально активной частью населения, обладая свободным временем и еще не в полной мере сформировавшись взглядами, убеждениями, могут выступать мишенью психологического манипулирования, например, в целях вербовки, вовлекаться в деятельность экстремистских и террористических ор-

ганизаций [1]. Поэтому мы убеждены, что выявление психологических предпосылок деструктивных социальных установок, в частности, установок на экстремистское поведение среди студенческой молодежи приграничного вуза, работающего в условиях действия режима контртеррористической операции, позволит адресно и эффективно выстраивать психологическую профилактику, а в случае необходимости – и психокоррекционную работу в образовательной организации высшего образования.

Отметим, что в современной психологии отсутствует общепринятое определение экстремизма, что указывает на сложность и многомерность данного явления. Экстремизм может рассматриваться как форма отчуждения от общечеловеческих ценностей, крайняя степень выражения нетерпимости, специфическая идеология крайних взглядов, одобряющая допустимость насильственных преступлений на почве вражды или ненависти, тип сознания и поведения, предполагающий отстаивание своих взглядов с позиции силы и агрессии. Выделяют экологический, политический, религиозный, этнический, подростково-молодежный и иные виды экстремизма [2].

В. В. Шиповская и А. Ш. Гусейнов подчеркивают, что значение идеологического компонента в определении экстремизма преувеличено. Зача-

© Логвинова М. И., Никуличева Д. А., Князева А. Н., 2024

стью вне поля внимания исследователей остаются психологические аспекты, раскрывающие сущность данного явления. Другими словами, в основе экстремизма могут лежать не внешние факторы, связанные с давлением, манипулированием, насаждением определенной идеологии, а внутренние, т.е. психологические предпосылки. Среди них прежде всего следует назвать такие отрицательные личностные качества, как жестокость, враждебность, бунтарство, цинизм, социальные пессимизм, зависимость, а также смыслобуждающие ориентации определенного содержания, которые побуждают к насильственным действиям в целях разрушения и саморазрушения [2–5 и др.].

Проведя теоретический анализ психологических предпосылок молодежного экстремизма, мы выделили следующие: беспомощность и виктимизация, неспособность к преодолению внутренних противоречий и конфликтов, психосоциальная незрелость нравственной сферы, «черно-белое» мышление, выступающее основой враждебности, радикализм как личностный стиль, характер представлений о временной перспективе (например, негативная личностная ретроспектива) и др. Среди психологических предпосылок можно выделить и негативный опыт социальной поддержки [2], а также особенности коммуникативного рода – затрудненная способность к диалогу, склонность к разрыву социальных связей, стремление к упрощению и определенности, высокий уровень тревожности и агрессивности [6]. Кроме этого, в качестве предпосылок молодежного экстремизма Е. В. Рягузовой выделены социальные и социально-психологические факторы: нестабильность, неопределенность, групповая идеология, воспринимаемая дискриминация [7].

Особую остроту проблема молодежного экстремизма студенческой молодежи приобретает в условиях приграничного вуза, что побудило нас провести собственное исследование с целью изучить психологические предпосылки молодежного экстремизма среди студентов приграничного вуза.

Мы исходили из предположения о том, что не менее четверти студентов имеют те или иные психологические предпосылки экстремизма, что обуславливает необходимость психокоррекционной и психопрофилактической работы в рамках воспитательного процесса и деятельности психологической службы вуза.

Методический блок исследования включил: методику «Шкалы склонности к экстремизму» Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова [8]; методику «Опросник эмоциональной эмпатии» А. Мехрабиана и Н. Эпштейна в адаптации Ю. М. Орлова и Ю. Н. Емельянова; методику «Выявление уста-

новок, направленных на «альтруизм – эгоизм» О. Ф. Потемкиной. Полученные эмпирические данные подвергались первичному количественно-качественному анализу, а также обрабатывались с помощью математико-статистических методов.

Базой исследования выступил ФГБОУ ВО «Курский государственный университет». В выборочную совокупность вошли студенты очной и заочной форм обучения. Выборка исследования: объем выборки составил 100 человек. Возраст испытуемых от 17 до 23 лет, среди них 80 % – девушки. Исследовались студенты направления подготовки «Педагогическое образование». Включение в выборку именно данного контингента вызвано тем, что в дальнейшем, став профессиональными педагогами, они будут включены в воспитательный процесс и оказывать непосредственное влияние на формирование ценностно-смысловой сферы подрастающего поколения. Следовательно, им самим должны быть чужды какие бы то ни было проявления насилия, агрессии, жестокости и тем более экстремизма.

Представим ниже результаты, полученные при исследовании диспозиций насильственного экстремизма в студенческой выборке. Подчеркнем, что избранный нами диагностический инструментарий включает 11 шкал, каждая из которых представляет собой самостоятельную диспозицию. Исходя из этого, говорить о принадлежности испытуемого к группе риска можно только в случае превышения полученных значений относительно верхних границ нормативного разброса по трем и более шкалам [8]. Однако мы полагаем, что в плане выстраивания психокоррекционной и психопрофилактической работы представляют значимость и требуют вдумчивого анализа результаты и по отдельным шкалам.

Анализ результатов исследования начнем с обозначения количества студентов, отнесенных по итогам диагностики диспозиций насильственного экстремизма к группе риска. Их число составило 11 % от всей выборки, что, на наш взгляд, достаточно велико. При неблагоприятных условиях выявленные у этой группы студентов психологические предпосылки могут повлиять на приобщение к экстремистской деятельности или вовлечение в нее. У 60 % студентов, принявших участие в исследовании, не выявлено ни одной диспозиции насильственного экстремизма. Это свидетельствует об отсутствии психологических предпосылок к экстремизму, что в условиях проведения контртеррористической операции на территории Курской области может рассматриваться как личностный ресурс недопущения распространения экстремистской идеологии в данном регионе.

Анализируя результаты по отдельным шкалам, мы отметили, что культ силы не является выраженной диспозицией в исследованной выборке (имеется всего у 4 % испытуемых). То же можно сказать о допустимости агрессии (5 %), интолерантности (4 %), социальном пессимизме (2 %), протестной активности (4 %), нормативном нигилизме (0 %), конформизме (2 %). Таким образом, большинство изученных нами студентов не склонны к поддержке насильственных методов решения проблемы, их характеризуют неготовность к осуществлению насилия, принятие идеи человеческого многообразия, сосуществования различных мнений и позиций, определенный социальный оптимизм, отсутствие склонности к протестной активности, стремление следовать законам и социальным нормам при сохранении силы внутренних регуляторов поведения.

Обратим далее внимание на шкалы «мистичность» (8 % студентов), «деструктивность и цинизм» (12 %), «антиинтрацепция» (12 %), заметная выраженность которых среди студенческой молодежи встречается чаще, чем относительно перечисленных выше шкал опросника Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова. Примерно для каждого десятого студента характерны стремление переложить ответственность за происходящие события на внешние неподконтрольные силы, циничное отношение к людям или непризнание чувственных переживаний, ориентация на простые идеи.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает шкала «конвенциональное принуждение» (25 % испытуемых), которая имеет значение выше порогового у четверти студентов. Приверженность конвенциональному принуждению проявляется в стремлении наказывать, осудить, отвергнуть людей, не поддерживающих общие ценности, выделении некоего «врага». В основе, как правило, лежат подавленные враждебные чувства к себе и окружающим, переносимые на иные группы и отдельных их представителей.

Исследуя уровень эмпатии студенческой молодежи, мы установили, что низкий ее уровень имеет место примерно в трети случаев (32 % от выборки). По нашему мнению, это может рассматриваться как психологическая предпосылка экстремизма и указывает на необходимость развития данного качества, особенно у будущих педагогов. Следует отметить, что средний уровень эмпатии выявлен примерно у половины испытуемых (у 52 % от выборки), в то время как высокий уровень встречается у будущих педагогов довольно редко (всего в 16 % случаев).

Проанализировав результаты изучения установки «альтруизм – эгоизм» у студентов, можем

констатировать следующее: у большинства преобладает установка на альтруизм (68 %), но при этом практически у трети – на эгоизм (32 %). Как мы полагаем, в условиях проведения специальной военной операции и введения режима контртеррористической операции на территории Курской области, что сопровождается значительным потоком вынужденных переселенцев, необходимостью предоставления им помощи и поддержки, преобладание у студенческой молодежи установки на альтруизм представляет особую ценность.

Таким образом, по результатам первичного количественно-качественного анализа полученных эмпирических данных можно сделать вывод о том, что примерно у четверти студентов изученной нами выборки имеются те или иные психологические особенности, которые потенциально могут повлиять на возникновение и развитие экстремизма в молодежной среде. Проведенный с помощью Н-критерия Крускала – Уоллиса математико-статистический анализ позволил обнаружить статистически значимые различия в ряде диспозиций насильственного экстремизма у студентов, обладающих разным уровнем эмпатии: социальный пессимизм ($H = 8,73$, $p < 0,05$), протестная активность ($H = 6,208$, $p < 0,05$), антиинтрацепция ($H = 8,501$, $p < 0,05$) и установка на «альтруизм – эгоизм» ($H = 64,803$, $p < 0,01$): у обладателей повышенного уровня эмпатии эти диспозиции проявляются заметно слабее, чем у тех, кто не отличается выраженной эмпатией.

Математико-статистический анализ на основе коэффициента корреляции Спирмена показал отсутствие значимых связей между уровнем эмпатии и диспозициями насильственного экстремизма (на уровне значимости $p > 0,05$). При этом выявлена статистически достоверная положительная связь между уровнем эмпатии и установкой на альтруизм ($r = 0,649$, $p < 0,01$).

Итак, результаты нашего исследования частично подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что примерно у четверти студентов имеются определенные психологические предпосылки, которые в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, в том числе при проживании в приграничном регионе, могут способствовать проявлению тех или иных деструктивных поведенческих паттернов, носящих характер насильственного экстремизма. Полученные данные подтверждают актуальность проведения целенаправленной психологической профилактики молодежного экстремизма в рамках вуза, что особенно актуально для приграничных регионов страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никуличева Д. А. Психологические основы профилактики экстремизма среди студентов / Д. А. Никуличева, М. И. Логвинова // От мечты к открытию: психологические исследования молодых ученых : материалы региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей, Курск, 26 января 2024 года. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 95–98.
 2. Шиповская В. В. Психологические факторы риска экстремистской активности личности в молодежной среде / В. В. Шиповская, А. Ш. Гусейнов // Гуманизация образования. – 2019. – № 5. – С. 180–195. DOI: 10.24411/1029-3388-2019-10062.
 3. Михайлова О. Ю. Жестокость как предиктор молодежного экстремизма / О. Ю. Михайлова, О. А. Романко // Мир науки. – 2016. – Т. 4, № 5. – С. 35.
 4. Пайгунова Ю. В. Психологические факторы экстремизма в молодежной среде / Ю. В. Пайгунова, В. А. Чистякова // МНИЖ. – 2021. – № 8-2(110). – С. 187–189.
 5. Евстифеева Е. А. Превенция насильственного экстремизма в контексте депривации психологического здоровья студенческой молодежи / Е. А. Евстифеева, С. И. Филиппченкова, А. В. Макаров // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Проблемы высшего образования. – 2024. – № 2. – С. 40–45.
 6. Джембек Ю. И. Психологические предикторы экстремизма и особенности их проявления у студентов педагогического вуза / Ю. И. Джембек, П. А. Моторина, А. В. Ефремова // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-4. – С. 273–275.
 7. Рягузова Е. В. Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как предиктор экстремистского поведения / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 78–84. DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84.
 8. Давыдов Д. Г. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма / Д. Г. Давыдов, К. Д. Хломов // Психологическая диагностика. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 78–97.
- Курский государственный университет*
Логвинова М. И. – старший преподаватель
кафедры психологии
E-mail: ewredika67@yandex.ru
- Князева А. Н. – выпускница бакалавриата по*
направлению «Психология»
E-mail: alinkakn2004@gmail.com
- Никуличева Д. А. – выпускница бакалавриата*
по направлению «Психология»
E-mail: n.dashulya8@mail.ru
- Kursk State University*
Logvinova M. I. – Senior Lecturer of Psychology
Chair
E-mail: ewredika67@yandex.ru
- Knyazeva A. N. – Bachelor's Degree Graduate in*
Psychology
E-mail: alinkakn2004@gmail.com
- Nikulicheva D. A. – Bachelor's Degree Graduate*
in Psychology
E-mail: n.dashulya8@mail.ru